

§9 ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНИН

Калабекова С.В.

РИСКИ КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНОЙ АНОМИИ

Аннотация. Объектом рассмотрения статьи является аномия, а предметом – риски морально-нравственной ценностной аномии. Автором исследуются кризис культурных ценностей, процессы духовного оскудения и дегуманизации. Прослеживается зависимость культурной и нравственной составляющих общества от множества факторов различной степени влияния. Особый акцент делается на важности роли идеологии и национальной идеи в формировании индивидуального и коллективного морального сознания. В силу особой актуальности проблемы подчеркивается необходимость в ее дальнейших исследованиях всем комплексом социально-гуманитарного знания. Методологическую основу исследования составили диалектический, системный подходы, рассмотрение проблемы в ее конкретно-историческом контексте, в единстве и всесторонности. Научная новизна состоит в обосновании тезиса о зависимости состояния культурно-нравственных норм от социально-экономических, политических, идеологических процессов. Проблематика статьи позволяет прийти к следующим выводам: 1) риски культурной аномии нуждаются во всестороннем изучении; 2) серьезного внимания требует исследование причин, ведущих к различным формам культурных и этических отклонений.

Ключевые слова: духовность, культура, ценность, аномия, кризис ценностей, маргинализация, конформизм, девиация, риск, патология.

Abstract. The object of this article is the anomie, while the subject is the risks of the moral-ethical value anomie. The author examines the crisis of cultural values, processes of spiritual depletion and dehumanization. The interdependency of the cultural and ethical components of the society from the multiple factors of various level of influence is being traced. A special accent is made on the importance of the role of ideology

and national idea in the establishment of an individual and collective moral consciousness. Due to the particular relevance of this problem, it is underlined that there is a need for its further research by the entire complex of socio-humanitarian knowledge. Scientific novelty consists in the substantiation of the thesis on interdependency of the state of cultural-ethnic norms from the socioeconomic, political, and ideological processes. The problematics of the article allows making the following conclusions: 1) the risks of cultural anomie are in need of a comprehensive examination; 2) the study of the causes that lead to various forms of cultural and ethnical deviations require a special attention.

Key words: *conformism, marginalization, crisis of values, anomie, value, culture, spirituality, deviation, risk, pathology.*

Современные общества сталкиваются с множеством проблем различного содержания, придающие их развитию противоречивый характер и порождающие неоднозначные последствия. Рискогенность, пользуясь терминологией немецкого социолога У. Бека, проистекает из совокупности явлений, среди которых не последнюю роль играют факторы, связанные с духовной сферой, а точнее – с ослаблением значимости духовно-нравственных и морально-этических ценностей. Очевидно, что никакие стратегии социально-экономического развития не могут принести ожидаемых результатов в условиях, когда требования духовности значительно снижены, общенациональная идея и идеологические приоритеты недостаточно четко определены.

Одним из инструментов, способствующих солидаризации общества, а значит, минимизирующих возможные угрозы, является, как известно, культура – механизм закрепления, усвоения и передачи последующим поколениям наследия духовного опыта человечества. Она помогает индивиду адаптироваться и успешно интегрироваться в социальный контекст, осуществлять рациональную деятельность в достижении намеченных целей, находить наиболее эффективные способы взаимодействия с социумом, «снятия» последствий, проистекающих на почве различного рода фобий и социально-психологической напряженности. Именно культура позволяет сохранять и воспроизводить социальные институты общества, придает его развитию определенную устойчивость. Ослабление культурных кодов ведет к утрате жизненных смыслов и ослаблению нравственных скрепов – важнейших инструментов поддержания социального порядка

и гармонии. Их ослабление – и подтверждение тому практика современного развития – создает риски для успешного функционирования как общества в целом, так и отдельно взятого индивида.

Культура и духовность, будучи тесно взаимосвязанными и образующими интегрированное целое, являются теми феноменами, в пространстве которых разворачивается человеческая жизнь во всей ее сложности и полноте и посредством которых осуществляется отношение индивида к внешнему миру, к миру других и к самому себе. Культура создает востребованные обществом определенные стандарты и эталоны, диктует социальным акторам соответствующие месту и времени модели поведения, вырабатывает ценностные ориентиры, пространство воздействия которых все сферы человеческой жизнедеятельности и весь спектр социальных отношений, обеспечивающих эффективное и устойчивое развитие общества. Утверждение наиболее важных и значимых форм жизнедеятельности, в сохранении которых общество заинтересовано, происходит благодаря в том числе и духовной сфере: задавая оптимальные для конкретно-исторических условий жизненные стратегии и ценностные установки, определяя вполне конкретный набор оценок и предрасположений, духовная сфера призвана противодействовать расширению пространства возможных отклонений, которыми так изобилует современная жизнь.

Показатели уровня духовности более чем важны, поскольку они есть свидетельство «состоявшегося» общества, и, наряду с социально-экономическими критериями, говорят о качестве и уровне жизни, степени устойчивости,

стабильности и – более того – мере гуманности. Кроме того, они снижают риски, связанные с процессами духовного оскудения и деградации, нравственной эксклюзии, духовной маргинализации. Поэтому, когда ведут речь о качестве жизни, имеют в виду не только факторы экономического порядка, но и культурного, нравственного, особенно в условиях переоценки ценности ценностей. Безоглядное переосмысление ценности апробировавших себя ценностей, служивших ориентирами для многих поколений людей, нередко приводит к девальвации подлинных ценностей и установок, на смену которым «приходят» иные, по сути своей, антиценности: «каждый должен заботиться прежде всего о себе», «свое ближе», «никому не следует доверять», «материальное выше духовного», «мораль и нравственность не кормят» и прочие псевдоценностные клише, ставшие жизненным кредо для определенной – и не малочисленной – части населения. Причин, объясняющих широкое распространение подобных взглядов, более чем достаточно: это и разочарование в итогах происходящих реформ, создавших объективную основу для формирования ценностей, ориентирующих на быстрый успех любой ценой; и широкое распространение коррупционных практик, требующих и предполагающих образ поведения «без оглядки» на чтобы то ни было; и достаточно широкое распространение криминальных способов достижения успеха и преуспевания, жизнь в неправовом институциональном пространстве; и невостребованность – экономическая, социальная, трудовая, профессиональная – значительной части молодых людей, выбирающих так называемые «альтернативные» пути самореализации, не сопряженные с требованиями морали. В результате сформировалось то, что именуют кризисом ценностей.

Причины кризиса ценностей, произошедшего на переломе столетий, вызваны в первую очередь разрушением некогда великой страны. Но коренятся они и во многом другом, но в целом обусловлены, по справедливому и образному замечанию Н. Н. Цветаевой, переходом от романтизма к прагматизму, главной характеристикой которого стали релятивизация ценностных систем, недоверие к устоявшимся нравственно-

этическим императивам, которые, по мнению многих, не отвечали запросам времени, не были ориентированы на успех и выгоду, на чем настаивала набирающая силу идеология либерализма. Философия вульгарного прагматизма, утверждающая приоритет материального над духовным, формирует собственную систему нравственных приоритетов, в которой моральные ценности перестают быть инструментом объединения и солидарности: «жесткие реалии «эпохи перемен» оставляют мало места для романтизма и идеализма и рождают упрощенные представления о новом ценностном порядке. Этот порядок воспринимается как необходимость «жить в отсечке сегодняшнего дня», т.е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не затрудняясь моральными оценками» [8, с. 118]. Моральные обязательства оказываются обременительными и лишними, поскольку не приносят сиюминутного практического результата, более востребованными оказываются рациональный расчет и прагматичное поведение как наиболее продуктивные, отвечающие духу мира рыночных отношений. Исследователи морали называют это переходом от традиционной морали, основанной на ценностях общности и неразвитости индивидуального начала, к рациональной морали современного социума, в котором поведение индивида прежде всего должно быть эффективным [1, с.12]. Этому переходу сопутствует не только рациональность, но и нарастание таких состояний морального сознания, как цинизм, эгоизм, моральный пофигизм.

Снижение роли морально-этических регулятивов создает почву для расширения пространства аномии, которая – и с этим трудно не согласиться – трактуется как различного рода нарушения в системе социальных норм и предпочтений, на что впервые обратил внимание один из сторонников социологической теории аномии Э.Дюркгейм. Рассогласованность целей и социальных ожиданий, вызванных трансформацией общества, переживающих переходные периоды в своем развитии, сопровождаемые состояниями кризисности, в том числе и в ценностной сфере, формирует широкое пространство девиации со всеми вытекающими

отсюда последствиями. В условиях, когда, как писал первый профессор социологии во Франции Э. Дюркгейм, «прежние боги стареют или умирают, а новые не родились», возникает разрыв между привычным, доказавшим свою значимость нравственно-ценностным императивом, и новым, неустойчивым, перспективы эффективного воздействия которого не столь очевидны, более того – призрачны. Подобные состояния свойственны всем социумам на ступени перехода от традиционализма к модернизму, от индустриализма к постиндустриализму, от модерна к постмодерну: прежние нарративы, не отвечающие требованиям дня в силу консервативности своего содержания, оказываются потесненными иными, быстротечными, сиюминутными. В итоге происходит размывание ценностной системы, являвшейся некогда ориентиром индивидуального и коллективного сознания и поведения.

Несколько в ином ракурсе – с точки зрения типов приспособления к культурным ценностям и нормам – рассматривал социальную аномию американский социолог Р.Мертон. Представленные им формы девиации были разработаны с опорой на обширный социологический материал, который и позволил ученому прийти к выводам высокой степени обобщения, не потерявшими актуальности и сегодня. Основой отнесения социального действия к девиации явился анализ соотношения цели и средств достижения данной цели, что позволило выделить ряд отклонений от нормы. Это, во-первых, конформизм: индивид принимает цели общества и средства достижения этих целей. Данный тип отклонения не является собственно девиацией, но в общественном сознании облик конформиста не очень притягателен, несмотря на то, что данный тип не создает обществу проблем, скорее, это – проблемы самого индивида, проявляющиеся во внутриличностных конфликтах, вынужденного порой идти наперекор своим внутренним убеждениям, беспринципно следовать утвердившемуся мнению, моде во всех ее проявлениях. И это не может не создавать психологического напряжения, которое – при определенных условиях – ведет к культурной травме и драме, чреватых своими аномическими последствиями.

Суть инновации состоит в том, что индивид, стремясь к определенной цели, использует незаконные, несправедливые средства, и это объективно способствует развитию индивидуалистического и циничного отношения к миру, формирует идеологию и психологию вседозволенности, потребительского отношения к жизни, когда все дозволено. Девизом такого мироощущения и социального действия становится принцип «цель оправдывает средства», явившийся для многих на переломе веков жизненной стратегией. В результате нравственные приоритеты оказываются серьезно подорванными, им на смену приходят антинормы, облачаемые в форму ценностных установок. Это происходит и по причине возникшего культурно-ценностного вакуума, когда прежняя система норм исчерпала свои возможности, а новая не стала своего рода социальным институтом и соответствующим регулятором, призванным ответить на нравственные запросы времени. Расплывчатость и неопределенность ценностно-нормативных установок и предписаний, а также противоречие, проистекающее на почве несовпадения требований, определяющих цели деятельности, и требований, регулирующих средства достижения этих целей, приводят к различным проявлениям культурной аномии, девальвации ценности нравственности как таковой, которой так дорожили прежние эпохи, придав ей атрибут непреложной истины.

В случае с ритуализмом индивид, достигнув высоких целей, живет, следуя предписанным культурой ценностям, и довольствуется достигнутым, с одной стороны. С другой, разделяя социально одобряемые институциональные средства достижения целей, индивид может отказаться от некоторых из них по причине внутреннего несогласия, а также в связи с навязываемой современным обществом идеологии потребления, «ценности» успеха, богатства. Такая позиция, в условиях безудержной гонки за материальными благами, выглядит в глазах обывателя как нечто, идущее вразрез со стремлением состояться любой ценой. Тот, кто не разделяет тиражируемых образцов поведения и образа жизни, воспринимается как бесконечно отставший от своего времени, портящий общую картину, по сути, девиант. Все эти и другие про-

явления подобного рода еще раз подтверждают необходимость «ценностного» измерения аномии, разграничения подлинных ценностей от псевдоценностей, которыми так полон современный мир.

Индивид, находясь в ситуации заброшенности, невостребованности, а также неприятия господствующих и пропагандируемых ценностей, необходимости их внешнего соблюдения, а не согласно требованиям собственной морали, иными словами, несовпадения его ценностных предпочтений и установок целям общества, может избрать стратегию социальной изоляции, становясь, таким образом, изгоем, ретритистом. Подобный тип адаптации общество в массе своей не приемлет, поскольку ретритисты не разделяют ценностей большинства, и в первую очередь ценности успеха, социального, в широком смысле этого слова, преуспевания, отказываются от разделяемых многими стандартов жизни общества постмодерна. Так формируется субкультура «отверженных», отверженных обществом, не согласного и не принимающего такого способа адаптации: одновременного существования в обществе и вне его. Пространство таких индивидов имеет тенденцию к расширению: численность маргинальных слоев все более возрастает практически во всех странах, угрожая им проявлениями аномии самого разнообразного свойства, но в первую очередь радикальными выступлениями, особенно в ситуации, когда маргиналы обнаруживают признаки социального единства и солидарности.

Когда происходит полная переоценка или неприятие ценностей, возникает совершенно новая субкультура со свойственной ей системой установок и предпочтений, результатом чего становится бунт, отвергающий все: и цели общества, и социально одобряемые средства достижения этих целей. И как следствие – социальная и культурно-нравственная аномия, расшатывающая основы сложившегося социального и индивидуального жизнеустройства, являющаяся, по терминологии французского социолога, самоубийством для всякого общества. Кроме того, ценностная аномия ведет к неадекватному отражению людьми реальных социальных процессов, замещению реального виртуальным,

искажениям в восприятии мира. Падение авторитета духовности, девальвация культурных норм оборачиваются усилением социальной напряженности, развитием различных форм де-социализации, личностной и психологической неустойчивостью, сопровождаются социальными аномалиями и патологиями, которые есть не что иное, как признак социальной болезни общества.

В таких условиях приходит понимание того, что именно духовные ценности становятся необходимым и обязательным условием снижения рисков, произрастающих на почве недооценки важности культурных норм. Еще Э. Фромм писал о необходимости для общества развитого ценностного сознания – индивидуального и массового – как условия нравственного здоровья общества в целом и каждого индивида в отдельности. По мнению исследователя, такие ценности, как свобода, справедливость, истина, не только не теряют своей значимости, а, наоборот, способствуют формированию новых устремлений, даже в силу их некоторой абстрактности, как представляется некоторым [7, с.148]. Нравственность – это то, что формирует в человеке человеческое, жизнеутверждающее начало. Известная дихотомия Э. Фромма «Иметь или Быть» оказывается сегодня более чем востребованной. Тенденция «Быть» утверждает ценность духовности перед «Иметь» – «ценностью» стяжательства, потребительства, накопительства, материального обогащения ради самого обогащения, которые есть не более чем иллюзорность. Приоритет «Иметь» перед «Быть» разрушает человека, ведет к дегуманизации и деструкции человеческой природы. Экзистенциальные ценности, охватываемые понятием «Быть», остаются основной интенцией человека, они определяют меру его свободы и ответственности, вектор развития его потенциалов, а также характер социальных взаимодействий, типы общения, нравственные ориентации индивидов, групп, социальных общностей различного уровня.

Культурно-нравственные ценности следует рассматривать как то, что объективно способствует усилению солидарных связей и устойчивости общества. При их отсутствии либо осла-

блении значительно увеличивается вероятность распространения процессов дезинтеграции, рассогласованности моральных норм. Эти процессы сопровождаются кризисом идентичности – индивидуальной и коллективной, и его причины лежат в различных плоскостях: это и поворотные моменты развития, когда вслед за сменой одного мира другим меняются ценности и социальные установки, нарушается стабильность общества, и в состоянии кризиса оказываются все – и отдельный индивид, и группы индивидов; это и ситуация, когда прежняя система социального жизнеустройства оказывается расшатанной, а ценности – устаревшими; это и смена ценностных миров, происходящая под давлением новых идеологических приоритетов, и многое другое.

О состояниях неустойчивости, неопределенности, расплывчатости идеологических стратегий развития, влияющих и трансформирующих ценностное пространство, хорошо говорится в баумановском «Индивидуализированном обществе». На самом деле, отсутствие четко сформулированной национальной идеи ведет к ослаблению механизма социальной солидарности, следствием чего является формирование идеологии индивидуализма, которая

еще больше раскалывает сегментированное рыночными отношениями современное общество. Утверждение приоритета индивидуалистского над коллективистским ведет к ослаблению воздействия либо к утрате института традиционной морали, являвшейся важнейшей культурно-нравственной «нитью Ариадны», обеспечивавшей связь поколений. Результатом такой утраты стало нарастание тенденций нигилистического и циничного отношения к миру, отношения, подтачивающего основополагающие морально-нравственные устои в виде ценностей солидарности, взаимной поддержки, взаимопомощи. Эта утрата есть своеобразная плата за вступление общества в эпоху постмодерна, а расширение пространства таких тенденций есть, как считают – и не безосновательно, адекватной реакцией на мир, в котором будущее оказывается под угрозой множества разнообразных рисков. В современном «индивидуализированном» обществе каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным – и это не личный выбор индивида, а судьба, структурное принуждение, справедливо считает З. Бауман.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 12.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390с.
3. Матвеев П. Е. Моральные ценности. Владимир: Изд-во Владимирского госуд. ун-та, 2004. 190с.
4. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1996. С. 299-313.
5. Плетнев А. В. Кризис либеральных ценностей как фактор аномии в современном обществе // Известия госпед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 353-356.
6. Фромм Э. Здоровое общество. М.: Изд-во АСТ, 2005. 294с.
7. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 148.
8. Цветаева Н. Н. Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. №
9. С. 118. 9. Малиновская И. Аномия и потребительство как характеристики общества риска [Электронный ресурс]. URL: <http://protestirui.ru/2012-12-21-17-01-44/102---> (дата обращения: 15.05.2015).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bakshtanovskii V. I., Sogomonov Yu. V. Sotsiologiya morali: normativno-tsennostnye sistemy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2003. № 5. S. 12.
2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2002. 390s.
3. Matveev P. E. Moral'nye tsennosti. Vladimir: Izd-vo Vladimirskogo gosud. un-ta, 2004. 190s.
4. Merton R. K. Sotsial'naya struktura i anomiya // Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuzaznye teorii). M.: Progress, 1996. S. 299-313.

5. Pletnev A. V. Krizis liberal'nykh tsennostei kak faktor anomii v sovremennom obshchestve // Izvestiya gosped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2010. № 124. S. 353-356.
6. Fromm.E. Zdorovoe obshchestvo. M.: Izd-vo AST, 2005. 294s.
7. Fromm E. Psikhoanaliz i religiya // Sumerki bogov. M., 1989. S. 148.
8. Tsvetaeva N. N. Tsennosti v biograficheskom diskurse: ot romantizma k pragmatizmu // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. №
9. S. 118. 9. Malinovskaya I. Anomiya i potrebitel'stvo kak kharakteristiki obshchestva riska [Elektronnyi resurs]. URL: [http://protestirui.ru/2012-12-21-17-01-44/102---](http://protestirui.ru/2012-12-21-17-01-44/102---(data obrashcheniya: 15.05.2015))(data obrashcheniya: 15.05.2015).